

«ПРАВОВАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ или «Юпитер, ты сердисься, значит, ты не прав...»

Вот уже более 10 лет Россия является членом Совета Европы и 9 лет, как является участницей Европейской Конвенции «О защите прав человека и основных свобод» (далее Конвенции). Возможность обращения в межгосударственные органы для защиты прав и свобод человека, гарантированная ч.3 ст. 46 Конституции РФ, из призрачной надежды, каковой она осознавалась для граждан, живших ранее в тоталитарном государстве, эта возможность превратилась для жителей России в надежду найти правду и справедливость, когда в России ее найти не удалось. Большое количество публикаций о Европейском Суде по правам человека (далее ЕСПЧ) и, что немаловажно, рост количества рассмотренных жалоб по существу в пользу заявителей вызвал рост обращений в ЕСПЧ. Причем Россия уверенно лидирует в числе стран-участниц Конвенции по количеству обращений ее жителей в ЕСПЧ. Что свидетельствует о росте доверия к данному межгосударственному органу.

В тоже время, огромное количество жалоб из России признаются явно необоснованными. И Россия, впрочем, как и другие страны, прилагает определенные усилия¹, для того, чтобы жалобы, поданные против России, не прошли стадию приемлемости и были признаны неприемлемыми для рассмотрения ЕСПЧ. Порой эти усилия заключаются в предложении мирового соглашения, либо одностороннего предложения о возмещении нарушения Конвенции. А порой эти усилия заключаются в отыскании прецедентов ЕСПЧ, с помощью которых можно было бы обосновать неприемлемость жалобы.

В качестве одного из таких прецедентов, на которое ссылались власти РФ в ответах на коммуницированные жалобы², можно назвать решение ЕСПЧ по делу «Алексенцева и 28 других против России» (жалобы №№ 75025/01, 75026/01, 75027/01, 75028/01, 75029/01, 75030/01, 75031/01, 75032/01, 75033/01, 75034/01, 75035/01, 75036/01, 75037/01, 75038/01, 75136/01, 76386/01, 76542/01, 76736/01,

¹ Здесь мы имеем ввиду усилия юридического характера, а не те факты давления на заявителей жалоб в ЕСПЧ, о которых поведал Уполномоченный по правам человека в РФ В.П. Лукин в докладе о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2006 году. <http://ombudsman.gov.ru/doc/ezdoc/06.shtml>

² Коммуницирование жалобы властям страны-ответчицы одна из предварительных стадий процесса в ЕСПЧ, представляет собой направление жалобы, а также вопросов по жалобе властям страны-ответчицы.

77049/01, 77051/01, 77052/01, 77053/01, 3999/02, 5314/02, 5384/02, 5388/02, 5419/02, 8190/02 и 8192/02) от 4 сентября 2003 года.

Само по себе дело не являлось необычным, скорей, наоборот, было обычным и наиболее распространенным среди жалоб против РФ: о неисполнении вступивших в законную силу судебных решений о выплате денежных средств в связи ненадлежащим исполнением своих обязанностей социальных органов. Все заявители проживали в городе Шахты Ростовской области. Хотя ст. 34 Конвенции не запрещает подачи жалобы группой лиц, в данном случае не было группового обращения. Жалобы были поданы в различное время, начиная с июля по декабрь 2001 года. По всей видимости, объединение производства по жалобам в одно дело было осуществлено на основании ст. 42 Регламента ЕСПЧ.³

4 января 2003 ЕСПЧ получил следующее заявление российских Властей относительно каждого Заявителя:

"Доводим до сведения, что Российскими Властями уже выплачены суммы, взысканные внутренним судом, относительно которых заявитель жалуется. Кроме того, мы предлагаем выплатить сумму в размере 1500 или 3000 евро, в зависимости от периода времени, который решение суда оставалось неисполненным добровольно, подавшего жалобу, руководствуясь благими намерениями после того, как (он/она) отзовет свою жалобу из Европейского Суда. Эта сумма (евро [1500/3000]) должна возместить любой материальный и моральный ущерб, а также издержки, которая будет выплачена в российских рублях по курсу, установленному на день выплаты, и освобождена от любых налогов, в течение трех месяцев после уведомления о решении, принятом Судом в соответствии со Статьей 37 §1 (а) и (с) Европейской Конвенции по Правам человека. Эта выплата представит собой окончательное разрешение спора".

Заявители в своих письменных ответах отвергли инициативу Властей, не оспаривая получение присужденных сумм, они утверждали, что суммы, определенные внутренними судами и органами социального обеспечения, выплачены без индексации, а потому недостаточны.

ЕСПЧ, рассмотрев заявление российских Властей, счел его односторонним заявлением и исключил жалобы из списка дел. Для более подробного анализа данного дела приведем часть решения от 4 сентября 2004, в которой ЕСПЧ рассматривает возможность продолжение производства и оценивает заявление российских властей:

«2. Суд напоминает, что Статья 37 Конвенции позволяет на любой ступени рассмотрения дела, исключить жалобу из списка рассматриваемых дел, если

³ С данной статьей регламента Европейского суда по правам человека можно ознакомиться в книге М.А Рожковой, Д.В.Афанасьева «Новые правила обращения в Европейский суд по правам человека М. «Статут», 2004, на стр.56. В Постановлении по делу «Собелин и другие против России» от 3 мая 2007г. ЕСПЧ при объединении в одно производство двенадцати жалоб сослался на данную статью регламента.

обстоятельства приводят к одному из заключений, указанных в подпунктах (a), (b) или (c) этой Статьи.

Статья 37 §1 (c) дает возможность Суду исключить дело из списка: "По любой другой причине, установленной Судом, если дальнейшее рассмотрение жалобы является неоправданным."

Статья 37 §1 (последний абзац):

"Тем не менее, Суд продолжает рассмотрение жалобы, если этого требует соблюдение прав, гарантированных настоящей Конвенцией и Протоколами к ней".

Суд полагает, что, при определенных обстоятельствах, возможно прекращение производства по делу по Статье 37 §1 (c) Конвенции на основании заявления Властей Государства-ответчика, даже если заявитель настаивает на продолжении рассмотрения жалобы. Для этого, однако, надо определить, с учетом конкретных обстоятельств дела, требует ли соблюдение прав, гарантированных Конвенцией, даже после одностороннего объявления, сделанного Властями, чтобы Суд продолжил рассмотрение жалобы (Статья 37 §1 последний абзац).

Для этих целей факторы, которые необходимо оценить, включают - природу жалоб, сопоставим ли предмет жалоб, предметам жалоб, уже рассмотренным Судом в ранее рассмотренных делах, существо и объем мер, предпринятых Властями в контексте исполнения решений Суда, вынесенных по подобным делам, и последствия этих мер на данный спор (смотри *Tahsin Acar v. Turkey* (GC), № 26307/95, §76, ECHR 2003 ...). Другой фактор, который необходимо учесть, является вопрос, признали ли опрашиваемые Власти тем или иным образом предполагаемое нарушение Конвенции и, если это так, в какой мере признано нарушение и способ, которым Власти намереваются предоставить возмещение заявителю (смотри там же).

3. Сначала, Суд отмечает, что жалобы, поданные Заявителями по этому делу, имели денежную природу и касались предполагаемого нарушения их права на исполнение окончательных решений суда, вынесенных в их пользу против Государственных властей. Их жалобы подобны жалобе, поданной Бурдовым (*Burdov v. Russia*, № 59498/00, ECHR 2002 III, решение о приемлемости от 21 июня 2001г., решение по существу от 7 мая 2002г.). Заявители проживают в той же самой области, что и г-н Бурдов, и решения суда в их пользу были вынесены против того же самого Государственного органа.

Относительно мер, принятых Властями во исполнение решения Европейского суда по делу Бурдова, Суд отмечает следующие изменения в Российской Федерации.

24 октября 2000, в ответ на запрос нижней палаты Российского парламента, заместитель Премьер-министра сообщил, что федеральным бюджетом предусмотрено в течение 2000 года бюджетного года выплатить 800 миллионов российских рублей участникам ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

25 октября 2000г. верхняя палата Российского парламента рассмотрела информацию, полученную от Властей, и просила Власти гарантировать оплату всех выплат, предусмотренных участникам ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС полностью и вовремя. Она также предложила нижней палате, предусмотреть в следующем годовом бюджете специальные ассигнования для этой категории платежей.

Также, Суд отмечает, что в ходе проверки исполнения решения Суда по делу Бурдова на 810-й (октябрь 2002) и 819-ой (декабрь 2002) встречах с работниками Комитета Министров, Российские власти доложили Комитету Министров о ряде мер, предпринятых во исполнение решения Суда по делу Бурдова, включая, в частности выплату задолженности, образовавшейся вследствие неисполнения решений внутренних судов, вынесенных в пользу жертв Чернобыля (сумма в 284,6 миллионов рублей была выплачена в период январь - октябрь 2002). Суд затем отмечает, что Власти выплатили полностью все суммы, присужденные Заявителям по делу. В письме от 22 октября 2002г. Власти, со ссылкой на решение Суда по делу Бурдова, утверждают, что рассматриваемые дела в основном подобны делу Бурдова и что нарушения, допущенные по этим делам схожи. Власти также сообщили Суду, что они выплатили задолженность в возмещение морального вреда, в размере, определенном Российскими судами, за несвоевременное исполнение окончательных решений суда. В дополнение к этим выплатам, Власти подтверждали готовность выплатить возмещение морального вреда Заявителям, в размере, равном взысканном Европейским Судом в пользу г-на Бурдова.

Суд повторяет, что в случаях, если представляется возможным устранение

предполагаемого нарушения Конвенции, и Власти объявляют о своей готовности предоставить возмещение, соответствующее предмету жалобы, у Суда сохраняется возможность оставления дела в списке подлежащих рассмотрению дел, как предусмотрено в Статье 37 §2 Конвенции и Правиле 44 §5 Судебного регламента (смотри *Tahsin Acar v. Turkey (GC)*, цитировано выше, §76 в конце). Суд исследовал предложения Властей и условия их реализации. Учитывая то, что Власти не оспаривают факты, подтвердили, что допустили нарушение, предоставили соответствующее возмещение и выразили готовность выплатить дополнительные суммы, чтобы возместить понесенные Заявителями убытки и издержки, Суд полагает, что нет оснований к дальнейшей проверке жалоб (Статья 37 §1 (с)).

По этим соображениям, а также с учетом того, что исполнение решения Суда по делу Бурдова находится в настоящее время на контроле Комитета Министров Совета Европы в соответствии со Статьей 46 §2 Конвенции, Суд, приходит к выводу, что соблюдение прав человека, гарантированных Конвенцией или Протоколах к ней (Статья 37 §1 последний абзац) не требует продолжения проверки этих жалоб.

Соответственно, дело должно быть исключено из списка».

Как видим, ЕСПЧ при вынесении данного решения полагал, что возможно исключение жалоб и списка дел, поскольку Россия не только признала факт нарушения прав заявителей и предоставила соответствующее возмещение, но и выразила готовность выплатить дополнительные суммы, покрывающие убытки и издержки заявителей. Вынося данное решение ЕСПЧ исходил из того, что жалобы по своей сущности сходны с жалобой Бурдова, Постановление по которому было вынесено и контроль за исполнение по нему был передан Комитету Министров Совета Европы. Данная ссылка ЕСПЧ на Постановление по делу «Бурдов против России» мотивирована прежде всего тем, что установление факта нарушения положения Конвенции предполагает не только восстановление нарушенного права заявителя (индивидуальные меры), но и принятие общих мер – мер, направленных на недопущение подобных нарушений. Как видим, ЕСПЧ полагал такое разрешение жалоб справедливым.

В дальнейшем данное дело было восстановлено в списках дел решением ЕСПЧ от 23 марта 2006. Из статьи «Практика Европейского Суда по правам человека: принцип правовой определенности или *quod licet jovi, non licet bovi?*»⁴ стала известна предыстория событий, предшествовавших возобновлению производства по данному делу.

После вынесения решения о неприемлемости жалобы ряд заявителей сразу же обратились в ЕСПЧ с ходатайствами о восстановлении их жалоб в списке дел, поскольку Российской Федерации не были выплачены денежные суммы в качестве

⁴ Ю.Ю. Берестнев, М.В. Виноградов «Практика Европейского Суда по правам человека: принцип правовой определенности или *quod licet jovi, non licet bovi?*» опубликована в журнале "Российская юстиция", N 11, ноябрь 2006 г.

компенсации за вред, причиненный неисполнением судебных решений.

И как пишут авторы статьи «Практика Европейского Суда по правам человека...»:

«По данному вопросу по предложению Секретаря Первой секции Европейского Суда Эрика Фриберга (ныне Секретаря-Канцлера Европейского Суда) в г. Страсбурге с властями Российской Федерации были проведены консультации с участием одного из судей Европейского Суда и Секретаря Первой секции Европейского Суда Э. Фриберга со стороны Европейского Суда по вопросам, поднятым в обращении заявителей. В частности, непосредственно рассматривался вопрос о том, несут ли власти Российской Федерации обязанность на основании решения Европейского Суда от 4 сентября 2003 г. по делу "Алексенцева и другие против Российской Федерации" по выплате сумм заявителям.

В ходе консультаций Европейский Суд был официально проинформирован о том, что отзыв жалоб заявителями являлся условием выплаты им компенсации причиненного вреда в соответствии со сделанными властями Российской Федерации заявлениями. Поскольку заявители отказались отозвать свои жалобы из Европейского Суда, власти Российской Федерации не усматривают оснований для произведения выплат в их пользу».

Заявителям было отказано в восстановлении жалобы в списках дел. После этого было еще две попытки обращения заявителей с ходатайством о восстановлении жалоб в списках дел. И третья попытка увенчалась успехом, 23 марта 2006 г. ЕСПЧ решением о приемлемости восстановил жалобы заявителей в списке рассматриваемых им дел.

Данное решение и было подвергнуто критике авторами вышеуказанной статьи. В качестве оснований для критики данного решения ЕСПЧ, авторы приводят следующие доводы:

1. У ЕСПЧ не было оснований для восстановления дела в списке.
2. Доводы, приведенные ЕСПЧ для восстановления дела в списке, не были новыми.
3. Европейский Суд не имел оснований восстанавливать жалобы всех заявителей, поскольку ходатайство о восстановлении было направлено лишь семью заявителями.
4. ЕСПЧ нарушил принцип правовой определенности (*res judicata*), пересмотрев свое решение, не подлежавшее обжалованию, более чем через два с половиной года. При вынесении данного решения ЕСПЧ не учел свою собственную прецедентную практику. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда одним из основополагающих аспектов верховенства права является принцип правовой определенности, который среди прочего требует, чтобы принятое судами окончательное решение не могло бы быть оспорено (см. постановление Европейского Суда по делу "Брумареску против Румынии" от 28 октября 1999 г., Reports 1999-VII, § 61). Правовая определенность предполагает

уважение принципа *res judicata*, то есть принципа недопустимости повторного рассмотрения однажды решенного дела и самим Европейским Судом в своей практике, а не только властями государств-ответчиков. Этот принцип закрепляет, что ни одна из сторон не может требовать пересмотра окончательного и вступившего в законную силу судебного акта только в целях проведения повторного слушания и получения нового решения. Полномочие по пересмотру дела должно осуществляться в целях исправления судебных ошибок, неправильного отправления правосудия, а не пересмотра по существу. Пересмотр не должен представлять собой скрытую форму обжалования (см. постановление Европейского Суда по делу "Рябых против Российской Федерации" от 24 июля 2003 г., жалоба N 52854/99).

5. Восстановление дела в списке не было целесообразным, увеличило нагрузку на ЕСПЧ.
6. Что с учетом описанной позиции Европейского Суда применение принципа правовой определенности национальными судами становится затруднительным.

Внимательное ознакомление с двумя решениями ЕСПЧ по делу «Алексенцева и другие против РФ» и вышеуказанной статьей порождает определенные сомнения в правильности позиций авторов, написавших данную статью. Полагаю, что в данном случае авторы зря «сердятся» на ЕСПЧ.

При первом же ознакомлении с решением ЕСПЧ от 4 сентября 2003 видно, что ЕСПЧ расценивал заявление Российских Властей о выплате денежных средств, которые по мнению властей компенсируют материальный и моральный вред и все издержки заявителей, как одностороннее заявление. То есть, заявление, которым власти берут на себя определенные обязательства независимо от волеизъявления других лиц. И надо отметить, что из текста заявления российских властей можно было сделать вывод о том, что оно является односторонним заявлением, а не офертой к заявителям о заключении мирового соглашения.

Однако, как в дальнейшем выяснилось, это заявление о выплате денежных средств не было односторонним заявлением и порождало для заявителей возможность получения выплат только при условии подписания мирового соглашения, а при неподписании заявители не получали ничего. Полагаю, что ЕСПЧ был крайне удивлен таким

толкованием и все же надеялся, что российские власти выплатят указанные в заявлении суммы заявителям, по все видимости именно это и послужило основанием для проведения дополнительных консультаций. Таким образом, можно сделать вывод, что решение ЕСПЧ от 4 сентября 2003 было основано на неправильной интерпретации заявления российских властей, как одностороннего заявления. И можно утверждать, что данное решение противоречило более ранним прецедентам ЕСПЧ (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Тахсин Аджар против Турции" (Tahsin Acar v. Turkey), жалоба N 26307/95, ECHR 2003-VI, §§75-77; а также Постановление Европейского Суда по делу "Харан против Турции" (Haran v. Turkey) (исключение из списка рассматриваемых дел) от 26 марта 2002 г., жалоба N 25754/94, §§22-23; Постановление Европейского Суда по делу "Мериакри против Молдавии" (Meriakri v. Moldova) (исключение из списка рассматриваемых дел) от 1 марта 2005 г., жалоба N 53487/99, §§31-35 и Постановление Европейского Суда по делу "Ван Хоутен против Нидерландов" (Van Houten v. Netherlands) (исключение из списка рассматриваемых дел), жалоба N 25149/03, ECHR 2005, §§34-38). Таким образом, у ЕСПЧ были основания для восстановления дела в списке дел.

Что касается того, что не было новых обстоятельств⁵, то это ничуть не умаляет того факта, что имела место судебная ошибка, заключавшаяся в том, что ЕСПЧ расценил заявление российских властей, как обещание выплатить денежные средства заявителям.

По всей видимости, ЕСПЧ с 2003 года по 2006 надеялся, что заявители все же получат обещанные денежные средства. Мягкость и тактичность формулировок в решении от 26 марта 2006, где ЕСПЧ писал:

«При вынесении Решения от 4 сентября 2003 г. об исключении настоящих жалоб Европейский Суд отметил готовность властей Российской Федерации выплатить определенные денежные суммы заявителям в качестве компенсаций морального вреда, причиненного посредством длительного неисполнения судебных решений, вынесенных в их пользу. Однако власти Российской Федерации поставили выполнение своих обязательств в зависимость от отзыва заявителями своих жалоб и заключения мирных соглашений...»,

отнюдь не означает, того, что ЕСПЧ не понимает, что с ним слугавили.

Утверждение о том, что были восстановлены все жалобы в списке, в то время, как было только ходатайство о восстановлении в списках дел семерых заявителей, на наш взгляд, основано на упущении того факта, что все жалобы были объединены ранее в одно дело. И данное утверждение имело бы право на существование, не

⁵ Восстановление в списках жалобы, на наш взгляд, несколько отличается от российского института пересмотра решений по вновь открывшимся обстоятельствам.

будь все жалобы объединены в одно производство. Данное утверждение также основано на истолковании ходатайства о восстановлении в списках, как института, сходного с институтом жалобы в национальных судах. В статье, в частности, были приведены прецеденты ЕСПЧ, касающиеся надзорного производства. Однако, даже заявление одного соистца может быть основанием для пересмотра всего дела и при отсутствии заявлений других соистцов. Кроме того, на наш взгляд, восстановление в списках несколько иной институт, более схожий с институтом пересмотра дел в связи с судебной ошибкой.

Этот институт, к сожалению, не получил развития в процессуальном законодательстве РФ, хотя еще в 1998 году Конституционный Суд РФ сформировал правовую позицию, которая по непонятным причинам, игнорируется законодателем:

«В силу статей 15 (часть 4) и 17 (часть 1) Конституции Российской Федерации право каждого на судебную защиту, предусмотренное ее статьей 46 (часть 1), должно гарантироваться в соответствии с названной нормой международного права, которая имеет общепризнанный характер и как таковая является составной частью правовой системы Российской Федерации. Таким образом, из статьи 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 2, 15 (часть 4), 17 (части 1 и 2), 18, 21 (часть 1), 45 (часть 1), 46 (части 2 и 3), 55 и 56 (часть 3) следует, что ошибочное судебное решение не может считаться правосудным и государство обязано гарантировать защиту прав и свобод человека и гражданина от судебной ошибки. Отсутствие возможности пересмотреть ошибочный судебный акт умаляет и ограничивает право каждого на судебную защиту, что недопустимо. Поэтому законодатель, устанавливая порядок осуществления правосудия, обязан предусмотреть механизм (процедуру) исправления таких ошибок, в том числе на стадии пересмотра судебного решения по вновь открывшимся обстоятельствам»⁶.

Тот факт, что ЕСПЧ пересмотрел свое ошибочное решение, вызывает большую степень доверия к данному межгосударственному органу.

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 3 февраля 1998 г. N 5-П "По делу о проверке конституционности статей 180, 181, пункта 3 части 1 статьи 187 и статьи 192 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации"

Нарушил ли ЕСПЧ чьи либо права восстановлением в списках дел всех жалоб, объединенных в одно дело? Полагаю, что ничьи права исправлением судебной ошибки не были нарушены. Наоборот, исправление судебной ошибки позволит российским властям по новому посмотреть на свои заявления, направляемые в ЕСПЧ, с пониманием того факта, что «процедура исключения жалобы из списка рассматриваемых дел на основании заявления властей является исключительной, и как таковая не направлена на преодоление отказа заявителя от заключения мирового соглашения (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Тахсин Аджар против Турции" и среди недавних прецедентов Постановление Европейского Суда по делу "Андросов против Российской Федерации" (Androsov v. Russia) от 6 октября 2005 г., жалоба N 63973/00, §44). А также учесть, что ЕСПЧ не поддерживает условия деклараций властей Российской Федерации в той части, какой они налагают на заявителей обязанность согласиться с предложенными мировыми соглашениями и отозвать свои жалобы, как условие произведения им компенсации. ЕСПЧ счел их направленными на преодоление отказа заявителей от заключения мировых соглашений. ЕСПЧ отметил, что согласие заключить мировое соглашение является правом заявителя, нежели его обязанностью независимо от того, насколько привлекательными ни казались бы его условия.

Таким образом, восстановление жалоб в списках не нарушает интересов Российской Федерации, которая, являясь правовым государством (ст. 1 Конституции РФ), действует, исходя из принципа «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства» (ст. 2 Конституции РФ).

Восстановление жалоб в списках дел - это шанс России урегулировать спор со своими гражданами, поскольку после принятия решения о приемлемости ЕСПЧ предлагает себя в качестве посредника для заключения мирового соглашения и на этой стадии.

Российская Федерация использовала данный шанс, 12 апреля 2007 г. ЕСПЧ вынес постановления об исключении из списка дел в связи с заключением мирового соглашения в отношении заявителей, чьи дела ранее были объединены в дело «Алексенцева и другие против РФ». Из дела «Алексенцева и другие против РФ» ЕСПЧ выделил 9 дел: «Шабалин против России», «Усанов против России», «Олег Золотухин против России», «Шишлов против России», «Гречко против России», «Гайдуков против России», «Дремлюгин против России», «Севостьянов против России», «Сапленков против России».

А 7 июня 2007 ЕСПЧ исключил из списка жалоб в связи с заключением мирового соглашения жалобу еще одного заявителя из дела «Алексенцева и другие против России» (Постановление по делу «Геннадий Кот против России» жалоба № 76542/01).

Что касается обвинения ЕСПЧ в нарушении принципа правовой определенности в связи с пересмотром окончательного решения, то оно легко отменяется просто ссылкой на заявление российских властей, которые писали, что «...выплата представит собой окончательное разрешение спора». В отсутствие данной выплаты было ли окончательное решение? Не зависела ли окончательность разрешения спора от действия властей? Полагаем, что ответы на данные вопросы очевидны. Именно во власти РФ было закончить производство по данным делам окончательно, произведя предложенную выплату, не настаивая на том, чтобы заявители подписали мировое соглашение. Именно истолкование представителями РФ заявления, как не обязательного, сделало разрешение спора по поводу неисполнения судебных актов неокончательным, и, на наш взгляд, принцип правовой определенности в данном случае ЕСПЧ не нарушен.

Более того, полагаем возможным утверждать, что решение ЕСПЧ по делу «Алексенцева и 28 других против России» от 4 сентября 2003 года, а не от 24 марта 2006 года противоречит принципу правовой определенности. И это утверждение основано на том, что принцип правовой определенности, являющийся элементом принципа верховенства права, не состоит только из принципа «*res judicata*». Принцип правовой определенности значительно шире. Этот принцип призван гарантировать стабильность. Принцип правовой определенности имеет своей целью обеспечить участников соответствующих отношений возможностью точно спрогнозировать результат своих действий и, в том числе, дать надежду, что права данных лиц будут защищены, что при разрешении спора действия правоприменителей также будут прогнозируемы и предсказуемы и не будут меняться от случая к случаю, и не будут меняться от региона к региону. Суды, применяя принцип правовой определенности, выполняют стабилизирующую функцию, создают уверенность в справедливости и надежности законов, объективности и предсказуемости правосудия. И ЕСПЧ в силу принципа правовой определенности, связан своей прецедентной практикой⁷.

⁷ См. Постановления ЕСПЧ «S.W. против Соединенного Королевства» от 22.11.1995 п.36, «Кокинаккис против Греции» от 25.05.1993 п.52. Хотя ЕСПЧ может отходить от сложившейся практики, но вопрос об этом решается Большой палатой ЕСПЧ, что не имело места в нашем случае.

Решение ЕСПЧ от 4 сентября 2003 г. не соответствовало принципу правовой определенности, поскольку противоречило ранее сложившейся прецедентной практике ЕСПЧ, в соответствии с которой "решение или меры в пользу заявителя не являются в принципе достаточными для того, чтобы он перестал быть "жертвой", за исключением случаев, в которых национальные власти в прямой форме или фактически признали нарушение положений Конвенции и устранили его последствия". В частности, об этом было указано в Постановлении ЕСПЧ по делу "Амюур против Франции" (*Amuur v. France*) от 25 июня 1996 г. (Reports 1996-III, p. 846, § 36). В рассматриваемом случае власти признали нарушение, но не устранили последствий, поставив устранение последствий в зависимость от согласия заявителей подписать мировое соглашение.

Про несоответствие прецедентам ЕСПЧ толкования возможности исключения жалоб из списка только лишь потому, что власти страны-участницы предложили компенсацию в случае подписания мирового соглашения, было уже указано выше⁸. Таким образом, решение от 4 сентября 2003 г. не создавало правовой стабильности, а, наоборот, было угрозой ей, как выпадающее из череды прецедентов ЕСПЧ. Надо отметить, что и Конституционный Суд РФ придерживается позиции, что ограничение возможности пересмотра судебных решений, не отвечающих требованиям законности, обоснованности и справедливости, имеет следствием нарушение баланса в защите таких конституционных ценностей, как справедливость и правовая определенность, влекущее причинение вреда гарантируемым Конституцией Российской Федерации правам и свободам человека и гражданина, защита и восстановление которых являются конституционной целью правосудия⁹. Полагаю, что данная позиция является более верной, ведь само слово правосудие, когда идет речь о торжестве правосудия, определяется, как *справедливое* разрешение дела, спора.¹⁰ Как тут не вспомнить Р.Декарта, писавшего: «Определите значение слов, и вы избавите человечество от половины его заблуждений».

⁸ ЕСПЧ в деле «Андросов против РФ» (Постановление от 6 октября 2005) указал, что должно быть проведено различие между заявлениями, сделанными в контексте строго конфиденциальных процедур мирового соглашения, с одной стороны (пункт 2 статьи 38 Конвенции и пункт 2 правила 62 Регламента Европейского Суда), и односторонними заявлениями, сделанными властями Российской Федерации публично, и состязательными процедурами в Европейском Суде, с другой стороны.

⁹ Постановление №6-П от 16 мая 2007 "По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда"

¹⁰ С.И. Ожегов «Словарь русского языка», М., 1991, стр.575

Что касается целесообразности восстановления жалоб в списке дел в связи с последующим ростом нагрузки на ЕСПЧ, то если воспринимать этот довод, как серьезный аргумент, то существует ли какое-либо дело, продолжение производства по которому не могло бы быть прекращено при помощи данного аргумента?

И если уж говорить о целесообразности, то цель учреждения ЕСПЧ установлена в ст. 19 Конвенции, как обеспечение соблюдения обязательств, принятых на себя Высокими Договаривающимися Сторонами по Конвенции и Протоколам к ней. Соответственно, говоря о целесообразности восстановления жалоб в списках, нужно ответить на вопрос: способствует ли это обеспечению соблюдения обязательств, принятых на себя РФ или нет? На наш взгляд, решение ЕСПЧ, которым дано конвенционное толкование односторонним соглашениям, не только будет способствовать восстановлению нарушенных прав заявителей по данному делу, которое должно состояться, коль скоро РФ признала факт нарушения, но и исключит из практики РФ неконвенционные попытки истолковать право заявителей на заключение мирового соглашения, как юридическую обязанность.

Решение от 24.03.2006 вызывает понимание, насколько ЕСПЧ уважительно относится к правам человека, и дает надежду, что права человека и основные свободы находятся под надежной защитой. И конечно же дает национальным властям, включая судебные власти, понимание необходимости не оставлять без возмещения факты нарушений Конвенции, даже несмотря на перегрузку. Данное решение напоминает о том, что *aequum et bonum est lex legume*¹¹, что несправедливость должна быть устранена, надежду на правильное применение принципа правовой определенности национальными судами дают правовые позиции Конституционного Суда РФ, выраженные в Постановлении №2-П от 5 февраля 2007 года: «Пересмотр в порядке надзора судебных актов, вступивших в законную силу, возможен лишь как дополнительная гарантия законности таких актов и предполагает установление особых оснований и процедур производства в данной стадии процесса, соответствующих ее правовой природе и предназначению. Акт суда, который уже вступил в законную силу, может быть изменен или отменен в порядке надзора лишь в исключительных случаях, когда в результате ошибки, допущенной в ходе предыдущего разбирательства и предопределившей исход дела, существенно нарушены права и законные интересы, защищаемые в судебном

¹¹ Справедливость и благо – закон законов.

порядке, которые не могут быть восстановлены без устранения или изменения ошибочного судебного акта»¹².

Возможно столь разные оценки состоявшегося решения ЕСПЧ от 24 марта 2006 года вызваны различным подходом к заявителям. Подход ЕСПЧ к заявителям, как субъектам международного права, далеко не всегда разделяется российским правоприменителем¹³, который с советских времен привык видеть человека, как объекта права. Еще до ратификации Конвенции проф. В.А. Карташкин, отмечая, что Всеобщая декларация прав человека наделяет правами и обязанностями именно отдельных лиц, писал, что "индивид стал непосредственным субъектом международного права"¹⁴. В ст. 6 Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., записано, что "каждый человек, где бы он ни находился, имеет право на признание его правосубъектности". Конвенция была принята в качестве первых шагов на пути обеспечения коллективного осуществления некоторых из прав, изложенных во Всеобщей декларации¹⁵. Соответственно только подход к своим гражданам, как субъектам международного права¹⁶, позволит изменить ситуацию с нарушениями прав и свобод человека в России, и снизит поток жалоб в ЕСПЧ.

¹² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2007 г. N 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ "Нижнекамскнефтехим" и "Хакасэнерго", а также жалобами ряда граждан».

¹³ Но разделяется учеными-международниками: Каргополов С.Г., Юшкарев И.Ю. «Человек - субъект не только международного частного, но и международного публичного права//Международное публичное и частное право. 2002. N 3. С. 26.», Захарова Н.В. Индивид - субъект международного права//Советское государство и право. 1989. N 11. С. 112-118.

Хотя существуют и другие подходы, так Лукашук И.И. полагает, что «Человек выступает не как субъект, а как бенефициарий международного права» //Современное право международных договоров. Том I. Заключение международных договоров - "Волтерс Клувер", 2004 г., цит по СПС «Гарант»

¹⁴ «Общая теория прав человека». М., 1996. С. 489.

¹⁵ См. Преамбулу к Конвенции

¹⁶ Многие русские авторы еще в конце XIX, начале XX веков высказывали мнение, что не только государства, но и частные лица являются субъектами международного права: «Уже Каченовский причисляет к субъектам международного права, кроме государств, их органы и их подданных ("Курс". Ч.1. С.20). Казанский ("Учебник". С.1, 74, 96) признает субъектами ("лица публичного права народов") государства, подданных и общества. По мнению Камаровского, субъектом международного права является не государство, а "человечество, политически организованное в государства", но и "человек является субъектом права сам по себе, а не только в качестве гражданина того или другого государства" ("Международное право", 1908. С.28-29). Взгляды Камаровского разделяет А. Треплин ("К вопросу о правах государств". М., 1906). Аналогичного мнения держится и Яценко ("Международный федерализм". С.231): "международное право, - говорит он, - есть право человечества"; "субъектами международного права являются не только государства, но и отдельные общественные классы и даже индивиды". Уляницкий тоже не считает возможным признать теорию правосубъектности одних только государств научно правильной, так как "в известных случаях субъектом международного права могут быть и отдельные общества и

Причем такой подход давно заложен в правовых позициях Конституционного Суда РФ: «В преамбуле Международного пакта о гражданских и политических правах закреплено, что признание достоинства, присущего всем членам человеческого сообщества, является основой свободы, справедливости и всех неотъемлемых прав личности. В соответствии со статьей 21 Конституции Российской Федерации государство обязано охранять достоинство личности во всех сферах, чем утверждается приоритет личности и ее прав (статья 17, часть 2, и статья 18 Конституции Российской Федерации). Из этого следует, что личность в ее взаимоотношениях с государством выступает не как объект государственной деятельности, а как равноправный субъект, который может защищать свои права всеми не запрещенными законом способами (статья 45, часть 2, Конституции Российской Федерации) и спорить с государством в лице любых его органов. Никто не может быть ограничен в защите перед судом своего достоинства, а также всех связанных с ним прав»¹⁷.

В качестве небольшого итога данной статьи полагаю уместным привести следующие соображения:

Признание решений ЕСПЧ частью правовой системы РФ дает надежду на улучшение ситуации с обеспечением прав и свобод человека в РФ. В то же время, нельзя исключать того, что возможны случаи, когда будут пытаться прикрыть несправедливость цитатами из решений ЕСПЧ, причем, быть может, не из умысла, а из ошибочного понимания той или иной правовой позиции ЕСПЧ. Причем данное непонимание может быть вызвано отрывом правовой позиции из контекста решения либо без учета других решений ЕСПЧ. Кроме того, не нужно забывать того, что страна-участник Конвенции может предоставить большую защиту прав и свобод человека, чем предоставлено Конвенцией.

Одним из средств для исключения неправильного понимания позиций ЕСПЧ может быть обеспечение доступности ко всем решениям ЕСПЧ на русском языке.

лица, поскольку они находятся в международном обороте и пользуются защитой международного права" ("Международное право", 1911. С.38). Наиболее решительным противником господствующего взгляда на международную правосубъектность является П.А. Покровский, который посвятил этому вопросу специальное исследование ("Изв. МИД", 1912. Т.VI. С.177-210). Он признает субъектами международного права всех тех лиц, в интересах которых созданы его нормы, органы государства и частные лица». Грабарь В.Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647-1917). Москва: издательство "Зерцало", 2003 г., цит. по СПС «Гарант».

¹⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 3 мая 1995 г. N 4-П "По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Аветяна"

В любом случае, для того, чтобы права человека стали реальностью, а не идеалистической мечтой¹⁸ необходима целенаправленная работа и, причем эта работа складывается из усилий по защите своих прав, прав других лиц, усилий по информированию и распространению информации, как о самих правах, так и о практике их защиты. Права обретаются только в борьбе, в отсутствие усилий по их защите они исчезают¹⁹.

Султанов Айдар Рустэмович, начальник юридического управления ОАО «Нижнекамскнефтехим», судья Третейского энергетического суда, член Ассоциации по улучшению жизни и образования

Опубликовано в журнале Закон №9 (сентябрь) 2007

© 2007 Султанов Айдар Рустэмович

¹⁸ Парафраз высказывания американского философа и гуманиста Л. Рон Хаббарда «Права человека должны быть реальностью, а не мечтой идеалистов»

¹⁹ Труднее сказать лучше, чем Рудольф Иеринг: "Пока право подвержено опасности со стороны неправа, - а так будет, пока стоит мир, - до тех пор ему не избавиться от борьбы. Жизнь права есть борьба, борьба народов, государственной власти, сословий, индивидов". "Право - это неустанная работа". "Вся жизнь права, в общем целом, являет то же зрелище безостановочной борьбы и труда целого народа" - «Борьба за право», русск. пер., 1904, стр. 3